

Максимилиан Александрович Волошин (1877 - 1932)

* * *

Я шёл сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мироздания,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живёт меж складками морщинистой земли.

1904

* * *

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.
Нам тёмной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смирняя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней - богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, ещё больней - уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль - бессмертна жажда муки!

10 марта 1910

* * *

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь - ко мне стучалась ты:
То требуя стихов, то ласки, то игрушки
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой мечты в тебе горит бесплодно?
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, всё великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

21 декабря 1911

* * *

Так странно, свободно и просто
Мне выявлен смысл бытия,
И скрытое в семени «я»,

И тайна цветенья и роста.
В растенье и в камне - везде,
В горах, в облаках, над горами
И в звере, и в синей звезде
Я слышу поющее пламя.

Август 1912

Под знаком Льва

М.В.Сабашниковой

Томимый снами, я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветер упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провёл невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошёл последним внутрь ковчега.

Август 1914, Дорнах

* * *

Ангел непогоды пролил огонь и гром,
Напоив народы яростным вином.

Средь земных безлюдий тишина гудит
Грохотом орудий, топотом копыт.

Преклоняя ухо вглубь души, внемли,
Как вскипает глухо жёлчь и кровь земли.

Ноябрь 1914, Дорнах

Из книги «Неопалимая купина»

8. Пролог

Андрею Белому

Ты держишь мир в простёртой длани,
И ныне сроки истекли...
В начальный год Великой Брани
Я был восхищен от земли.

И на замок небесных сводов
Поставлен, слышал, смуты полн,
Растущий вопль земных народов,
Подобный рёву многих волн.

И с высоты недостижимой
Низвергся Вестник, оку зримый,
Как вихрь сверлящей синевы,
Огнём и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.

И, сводом потрясая звездным,
На землю кинул он ключи,
Земным приказывая безднам
Извергнуть тучи саранчи,
Чтоб мир пасти жезлом железным.

А на вратах земных пещер
Он написал огнём и серой:
«Любовь воздай за меру мерой,
А злом за зло воздай без мер».

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

И, став как млечный вихрь в эфире,
Мне указал Весы:

«Смотри,
В той чаше - мир; в той чаше - гири:
Всё прорастающее в мире
Давно завершено внутри».

Так был мне внешний мир показан
И кладезь внутренний разъят.
И, знаньем звёздной тайны связан,
Я ввержен был обратно в ад.

Один среди враждебных ратей -
Не их, не ваш, не свой, ничей -
Я - голос внутренних ключей,
Я - семя будущих зачатий.

11 октября 1915, Биарриц

10. Над законченной книгой

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло?

Не Ты ли
Смесил народы
Густо и крепко,
Заквасил тесто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людские
В точиле гнева?

Не Ты ли
Поэта кинул
На стогны мира
Быть оком и ухом?

Не Ты ли
Отнял силу у рук
И запретил
Сложить обиды
В глубокой чаше

Земных весов,
Но быть назначил
Стрелой, указующей
Разницу веса?

Не Ты ли
Неволил сердце
Благословить
Убийц и жертву,
Врага и брата?

Не Ты ли
Неволил разум
Принять свершенье
Непостижимых
Твоих путей
Во всём горенье
Противоречий,
Несовместимых
Для человеческой
Стеснённой мысли?

Так дай же силу
Поверить в мудрость
Пролившей крови;
Дозволь увидеть
Сквозь смерть и время
Борьбу народов
Как спазму страсти,
Извергшей семя
Внемирных всходов.

1 декабря 1915. Париж

Два демона

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер - небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счётчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни - здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зёрнах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

1911

2

На дно миров пловцом спустился я -
Мятежный дух, ослушник Вышней воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилив - могуч.
Лишённый крыл, в паренье равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил - един в моей цевнице,
Как в радуге - един распятый луч.

7 февраля 1915, Париж

Мир

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917, Коктебель

Петроград

Сергею Эфрону

Как злой шаман, гася сознание
Под бубна мерное бряцанье,
И опоражнивая дух,
Распахивает дверь разрух, -
И духи мерзости и блуда
Стремглав кидаются на зов,
Вопя на сотни голосов,
Творя бессмысленные чуда, -
И враг что друг, и друг что враг -
Меречат и двоятся... - так,
Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бьётся головой
И узы рвёт, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града -
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

9 декабря 1917, Коктебель

Демоны глухонемые

*Кто так слеп, как раб Мой, и глух,
как вестник Мой, Мною посланный?
Исаия 42:19*

Они проходят по земле
Слепые и глухонемые
И чертят знаки огневые
В распаивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы - это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

29 декабря 1917

Русь глухонемая

Был к Иисусу приведён
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
- Изыди, дух глухонемой! -
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел -
И отрок понимал и слышал,
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен.
А Он сказал:

- Сей род упорен:

Молитвой только и постом
Его природа одолима.
Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украва твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьёт и гонит в лес.
И вот взываем мы: «Прииди...»;

А избранный вдали от битв
Куёт постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!»

6 января 1918

Неопалимая купина

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? Есть или нет?
Омут... Стремнина... Головокруженье.
Бездна... Безумие... Бред...

Всё неразумно, необычайно...
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою,
Молнией поражён.
Карл под Полтавой¹; ужален Москвою,
Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат.
Год... и в Германии русское вече²:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение - смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стынет в равнинах метель;
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.

Мы - заражённые совестью: в каждом
Стеньке - святой Серафим³,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна...
Дивное диво - горит, не сгорая,
Неопалимая купина!

28 мая 1919. Коктебель

Китеж⁴

1

Вся Русь - костёр. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревёт... И трескается камень.
И каждый факел - человек.

---

¹ имеется в виду шведский король Карл XII, потерпевший поражение от русских войск при Полтавской битве (1709).

² в 1918 году в Германии кратковременно утвердилась власть рабочих.

³ Святой Серафим - монах, обитавший в Саровской пустыне в начале прошлого века; по Волошину - олицетворение нравственной чистоты.

⁴ Китеж-град - город русских народных преданий, скрывшийся под землёй во время нашествия Батыя; на его месте образовалось озеро Светлояр, и только избранные могут слышать иногда звон церквей.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
Пустили пал¹? А ураган
Раздул его, и тонут в дыме едком
Леса и сёла огнищан.
Ни Сергиев², ни Оптиная³, ни Саров⁴
Народный не уймут костёр:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озёр.
Так, отданная на поток⁵ татарам,
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлояром...
Но от огня не отрекусь.
Я сам - огонь. Мятеж в моей природе,
Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы - вне нашей душевной плоти,
Вне воли медного Петра -
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовёт призывный и нездешний
Подводный благовест церквей.

2

Усобицы кромсали Русь ножами.
Скупые дети Калиты⁶
Неправдами, насильем, правежами
Её собирали лоскуты.
В тиши ночей звездяных и морозных,
Как лютый крестовик-паук,
Москва пряла при Тёмных⁷ и при Грозных
Свой тесный безысходный круг.
Здесь правил всем изветчик⁸ и наушник,
И был свиреп и строг

---

¹ Пал - лесной или степной пожар.

² Сергиев (имеется в виду монастырь) - Троице-Сергиева лавра, знаменитая русская обитель, основанная Сергием Радонежским около 1335 г.

³ Оптиная (пустынь) - Введенская-Макариева мужская пустынь в Калужской губернии, основанная, по преданию, бывшим разбойником Оптою (в иночестве Макарий) в XIV в.

⁴ Саров - Саровская мужская пустынь в Тамбовской губернии, основанная в XVII в.

⁵ На поток - на расхищение, грабёж.

⁶ Дети Калиты - Иван I Данилович Калита - князь московский (с 1325), великий князь владимирский (с 1328), сыграл большую роль в объединении русских земель вокруг Москвы; его дети - Симеон, Иван, Андрей.

⁷ Тёмный - прозвище Василия II Васильевича (1415 - 1462), великого князя московского (с 1425).

⁸ Изветчик - клеветник.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Московский князь - «постельничий и ключник
У Господа» - помилуй Бог!
Гнездо бояр, юродивых, смиренниц -
Дворец, тюрьма и монастырь,
Где двадцать лет зарезанный младенец¹
Чертил круги, как нетопырь.
Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы²
Пожарский³ царствовать привёл.
Антихрист-Пётр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздёрнувши на дыбу,
Наукам книжным обучал.
Империя, оставив нору кротью,
Высиживалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
Своих пяти императриц.
И стала Русь немецкой, чинной, мерзкой,
Штыков сияньем озарён,
В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской
Отстаивался русский трон.
И вырвались со свистом из-под трона
Клубящиеся пламена -
На свет из тьмы, на волю из полона -
Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачёвы -
Страшилища иных веков.
Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омрачённая, в крови,
Осталась ты землёю исступлений -
Землёй, взыскующей любви.

3

Они пройдут - расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,

---

¹ Зарезанный младенец - царевич Дмитрий.

² Отродье Кошки и Кобылы... - Кобыла Андрей Иванович - боярин времён Ивана Калиты, родоначальник дома Романовых; Кошка Фёдор Андреевич - боярин, младший из пяти сыновей Кобылы.

³ Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578 - ок. 1641) способствовал воцарению Михаила Фёдоровича (1596 - 1645), первого русского царя из династии Романовых (с 1613). Своих пяти императриц - имеются в виду: Екатерина I (правила в 1725 - 1727), Анна Иоанновна (1730 - 1740), Анна Леопольдовна (1740 - 1741), Елизавета Петровна (1741 - 1761), Екатерина II (1762 - 1796).

Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдёт молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвись от крови и угара,
Царёву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit ярую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи - крест, на выю - трон.
На дне души гудит подводный Китеж -
Наш неосуществлённый сон!

1919

Пустыня

И я был сослан в глубь степей,
И я изведаль мир огромный
В дни страннической и бездомной
Пытливой юности моей.

От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озёр
Вели ступени плоскогорий
К престолом азиатских гор,

Откуда некогда, бушуя,
Людские множества текли,
Орды и царства образуя
Согласно впадинам земли;

И, нисходя по склонам горным,
Селился первый человек
Вдоль по теченьям синих рек,
По тонким заводям озёрным,

И оставлял на дне степей
Меж чернобыльника и чобра
Быков обугленные рёбра
И камни грубых алтарей.

Как незапамятно и строго
Звучал из глубины веков
Глухой пастуший голос рога
И звон верблюжьих бубенцов,

Когда, овеянный туманом,
Сквозь сон миражей и песков,

Я шёл с ленивым караваном
К стене непобедимых льдов.

Шёл по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам,
Под небом исступлённо-синим
Вослед пылающим столпам.

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звёздном дереве времён,

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой купины.

19 ноября 1919, Коктебель

Северовосток

*Да будет благословен приход твой,
Бич Бога, Которому я служу,
и не мне останавливать тебя.
Слова святого Лу - архиепископа
Турского, обращённые к Аттиле¹*

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперёк.
Рвёт и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнажённых плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Чёрный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багряных окоёмов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотню лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль - на северовосток.

---

¹ Аттила (ум. в 453 году) - предводитель гуннов; в 451 году вторгся в Галлию, в 452 году опустошил Северную Италию.

Вейте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России -
Страшная безумная судьба.
В этом ветре гнёт веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов¹, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Смертогонов, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах - дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперёд через столетья
Вопреки законам естества -
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль, всё одно и то же:
Волчьи морды, машкеры² и рожи,
Спёртый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых³, Петров,
Жутких Гатчин⁴, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.
Сотни лет тупых и зверских пыток,
И ещё не весь развёрнут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред разведок, ужас Чрезвычайек -
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик⁵ -
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами -
Сотни лет навстречу всем ветрам

---

¹ Русь Малют, Иванов... - Малюта Скуратов (Вольский Григорий Лукьянович, ум. в 1573 году) - ближайший помощник Ивана IV Грозного, руководитель террора опричнины; Иван - Иван IV.

² Машкера (устар.) - маска.

³ Аракчеев Алексей Андреевич (1769 - 1834) - временщик при Павле I и Александре I.

⁴ Гатчина - город под Петербургом, резиденция Павла I и Александра III.

⁵ Астрахань. Яик (р. Урал) - центры казаческих восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачёва.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Мы идём по ледяным пустыням -
Не дойдём и в снежной вьюге сгинем,
Иль найдём поруганный наш храм, -

Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймём, всё вынесем любя -
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

31 июля 1920, Коктебель

Заклинание

(От усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращённых в прах,
Из мук казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений -
Возникнет праведная Русь.
Я за неё за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она светится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

19 июня 1920. Коктебель

Готовность

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалипсическому зверю
Ввергнутый в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и смраде - верю!
Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!»

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия,
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи, - вот плоть моя!

24 октября 1921, Феодосия

Левиафан

(Из поэмы «Путями Каина»)

*Множество, соединённое в одном лице,
именуется Государством - Civitas.
Таково происхождение Левиафана, или,
говоря почтительнее, - этого
смертного бога.
Гоббс, «Левиафан»*

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишённому владений и сынов,
Простёртому на стогнах городов,
На гноище поруганной вселенной, -
Мне - Иову - сказал Господь:

«Смотри;

Вот царь царей - всех тварей завершенье,
Левиафан!

Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости Моей».

2

И вот, как материк из бездны пенной,
Взрыв Океан, поднялся Зверь зверей -
Чудовищный, свирепый, многочленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжёлых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зеркал,
И беглый огонь, и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был Мною сотворён, -
Сказал Господь, -
Все жизни отправленья
В нём дивно согласованы. Лишён

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Сознания - он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нём оно
Великий жернов сердца. Тусклым, косным
Его ты видишь. Рдяною рекой
Струится свет, мерцающий в огромных
Чувствилицах; а глубже - в безднах тёмных
Зияет город вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ, ему подобных,
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинять.

5

Я говорил:

«Зачем меня сознанием
Ты в этой тьме кромешной озарил,
И дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь:
«Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты,
И смысл хулить Моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные Мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба
Лишь первый шаг к пожарищам любви.
Я Сам сошёл в тебя, как в недра гроба,
И Сам огнём томлюсь в твоей крови.
Как Я - тебя, так ты взыскуешь землю.
Сгорая - жги!
Замкнутый в гроб - живи!
Таким Мой мир приемлешь ли?»

7

«Приемлю»...

1915 - 1924

На дне преисподней

Памяти А.Блока и Н.Гумилёва

С каждым днём всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца - Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

12 января 1922, Коктебель

Из поэмы «Россия»

4

...Великий Пётр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к её грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.
Не то мясник, а может быть, ваятель -
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты...

5

...На всё нужна в России только вера:
Мы верили в двуперстие, в царя,

И в сон, и в чох, в распластанных лягушек,
В матерьялизм и в Интернационал.
Позитивист ощупывал руками
Не вещество, а тень своей мечты;
Мы бредили, переломав машины,
Об электрификации; среди
Стрельбы и голода - о социальном рае
И ели человечью колбасу.
Политика была для нас раденьем,
Наука - духоборчеством, марксизм -
Догматикой, партийность - аскетизмом.
Вся наша революция была
Комком религиозной истерии:
В течение пятидесяти лет
Мы созерцали бедствия рабочих
На Западе с такую остротой,
Что приняли стигматы их распятий.
Все наши достижения в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину
От социальных революций: Запад
Переживёт их вновь, и не одну,
Но выживет, не расточив культуры.
Есть дух Истории - безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли,
Что направлял топор и мысль Петра,
Что вынудил мужицкую Россию
За три столетья сделать перегон
От берегов Ливонских до Аляски.
И тот же дух ведёт большевиков
Исконными российскими путями.
Грядущее - извечный сон корней:
Во время революций водоверти
Со дна времён взмывают древний ил
И новизны рыгают стариною.

Мы не вольны в наследии отцов,
И вопреки бичам идеологий
Колёса вязнут в старой колее:
Неверы очищают православье
Гоненьями и вскрытием мощей.
Большевики отстраивают зданья
На цоколях снесенного Кремля,
Социалисты разлагают рати,
Чтоб год спустя опять собрать в кулак.
И белые, и красные Россию
Плечом к плечу взрывают, как волы, -
В одном ярме - сохой междоусобья,
И вновь Москва сшивает лоскуты
Удельных царств, чтоб утвердить единство.

Истории потребен сгусток воль:
Партийность и программы - безразличны.

6

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья.
(Как ныне - в свой черёд - утверждено
Самодержавье правом революций.)
Крижанич¹ жаловался до Петра:
«Великое народное несчастье
Есть неуверенность во власти: мы
Ни в чём не знаем меры да середины,
Всё по краям да пропасти блуждаем.
И нет нигде такого безнарядья,
И власти нету более крутой...»

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра:
При добродушье русского народа,
При сказочном терпенье мужика -
Никто не делал более кровавой
И страшной революции, чем мы.
При всём упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв - никто
С такой хулой не потрошил святыни,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьёв,
Мы шли путём не их, а Смердякова -
Через Азефа, через Брестский мир².

В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.
Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены.
На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов
Выкрадываем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Куриль в их честь стираксою³ и серой
И головы рубить родным богам,
А год спустя - заморского болвана
Тащить к реке, привязанным к хвосту.

---

¹ Крижанич Юрий (ок. 1618 - 1683) - писатель, учёный, общественный деятель, хорват по национальности; в России жил в 1659 - 1676 годах.

² Брестский мир Волошин считал актом предательства по отношению к союзникам России в войне с Германией.

³ Стиракса - ароматическая смола.

Зато в нас есть бродило духа - совесть.
А наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного... В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, рядом
С любимым из европейцев - человек.

У нас в душе некошеные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, былём да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии - всё творчество России:
Европа шла культурой огня,
А мы в себе несём культуру взрыва.
Огню нужны машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, -
Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда - тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья.
Бакунину потребен Николай,
Как Пётр - стрельцу, как Аввакуму - Никон.

Поэтому так непомерна Русь
И в своеволье и в самодержавье.
И в мире нет истории страшней,
Безумней, чем история России.

7

И этой ночью с напряженных плеч
Глухого Киммерийского вулкана
Я вижу изневоленную Русь
В волокнах расходящегося дыма,
Просвеченную заревом лампад,
Молитвами горящих о России...
И чувствую безмерную вину
Всея Руси - пред всеми и пред каждым.

Из бездны

А.А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметённых толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времени исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и тёмном
Пленён мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распяты серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твоё — всестрастной свет!

15 января 1918, Коктебель

Видение Иезекииля

Бог наш есть огонь посядающий. Твари
Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался он -
Облак, несомый верховными силами -
Четверорукими, шестерокрылыми,
С бычьими, птичьими и человечьими,
Львиными ликами с разных сторон.
Видом они точно угли горящие,
Ноги прямые и медью блестящие,
Лики, как свет раскаленных лампад,
И вопиющие, и говорящие,
И воззывающе к Господу: «Свят!
Свят! Вседержитель!» А около разные,
Цветом похожи на камень топаз,
Вихри и диски, колеса алмазные,
Дымные ободы, полные глаз.

А над животными - легкими сводами -
Крылья, простертые в высоту,
Схожие шумом с гудящими водами,
Переполюющими пустоту.
Выше же вышних, над сводом всемирным,
Тонким и синим повитым огнем,
В радужной славе, на троне сапфирном,
Огненный облик, гремющий, как гром.
Был я покрыт налетевшей грозой,
Бурею крыльев и вихрем колес.
Ветр меня поднял с земли и вознес...
Был ко мне голос:
    »Иди предо Мною -
В землю Мою, возвестить ей позор!
Перед лицом Моим - ветер пустыни,
А по стопам Моим - язва и мор!
Буду судиться с тобою Я ныне.
Мать родила тебя ночью в полях,
Пуп не обрезала и не омыла,
И не осолила и не повила,
Бросила дочь на поправление в прах...
Я ж тебе молвил: живи во кровях!
Выросла смуглой и стройной, как колос,
Грудь поднялась, закурчавился волос,
И округлился, как чаша, живот...
Время любви твоей было... И вот
В полдень лежала ты в поле нагая,
И проходил и увидел тебя Я,
Край моих риз над тобою простер,
Обнял, омыл твою кровь, и с тех пор
Я сочетался с рабою Моею.
Дал тебе плат, кисею на лицо,
Перстни для рук, ожерелье на шею,
На уши серьги, в ноздри кольцо,
Пояс, запястья, венец драгоценный
И покрывала из тканей сквозных...
Стала краса твоя совершенной
В великолепных уборах Моих.
Хлебом пшеничным, елеем и медом
Я ль не вскормил тебя щедрой рукой?
Дальним известна ты стала народам
Необычайною красотой.
Но, упоенная славой и властью,
Стала мечтать о красивых мужах
И распалялась нечистою страстью
К изображениям на стенах.
Между соседей рождая усобья,
Стала распутной - ловка и хитра,
Ты сотворяла мужские подобья -
Знаки из золота и серебра.
Строила вышки, скликала прохожих
И блудодеяла с ними на ложах,

На перекрестках путей и дорог,
Ноги раскидывала перед ними,
Каждый, придя, оголить тебя мог
И насладиться сосцами твоими.
Буду судиться с тобой до конца:
Гнев изолью, истощу свою ярость,
Семя сотру, прокляну твою старость,
От Моего не укрыться лица!
Всех созову, что блудили с тобою,
Платье сорву и оставлю нагою,
И обнажу перед всеми твой срам,
Темя обрею; связавши ремнями,
В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревнивой -
Так говорю тебе Я - твой Господь!»

21 января 1918, Коктебель

Иуда - апостол

И когда приблизился праздник Пасхи,
В первый день опресноков в час вечерний
Он возлег за трапезу - с ним двенадцать
В горнице чистой. Хлеб, преломивши, роздал:
«Это тело Мое, сегодня в жертву приносимое.
Так творите».
А когда окончили ужин,
Поднял Он чашу.
«Это кровь Моя, за вас проливаемая.
И рука прольющего между вами».
Спор возник между учениками:
Кто из них больший?
Он же говорит им:
«В этом мире цари первенствуют:
Вы же не так - кто больший, будет как меньший.
Завещаю вам Свое царство.
Сядете судить на двенадцать тронов,
Но одним из вас Я буду предан.
Так предназначено, но предателю горе!»
И в смущеньи ученики шептали: «Не я ли?»
Он же, в соль обмакнув кусок хлеба,
Подал Иуде
И сказал: «Что делаешь - делай».
Тот же, съев кусок, тотчас же вышел:
Дух земли - Сатана - вошел в Иуду -
Вещий и скорбный.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Все двенадцать вина и хлеба вкусили,
Причастившись плоти и крови Христовой,
А один из них земле причастился
Солью и хлебом.
И никто из одиннадцати не понял,
Что сказал Иисус,
Какой Он подвиг возложил на Иуду
Горьким причастием.
Так размышлял однажды некий священник
Ночью в древнем соборе Парижской Богоматери
И воскликнул: «Боже, верю глубоко,
Что Иуда - Твой самый старший и верный
Ученик, что он на себя принял
Бремя всех грехов и позора мира,
Что, когда Ты вернешься судить землю,
И померкнет солнце от Твоего гнева,
И сорвутся с неба в ужасе звезды,
Встанет он, как дымный уголь, из бездны,
Опаленный всею проказой мира,
И сядет рядом с Тобою!
Дай мне знак, что так будет!»
В то же мгновенье
Сухие и властные пальцы
Легли ему на уста. И в них узнал он
Руку Иуды.

11 ноября 1919, Коктебель

Посев

Как земледел над грудой веских зерен,
Отобранных к осеннему посеву,
Склоняется, обеими руками
Зачерпывая их, и весит в горсти,
Чуя их дух, их теплоту и волю к жизни,
И крестит их, - так я, склонясь над Русью,
Крещу ее - от лба до поясницы,
От правого до левого плеча:
И, наклонясь, коленопреклоненно
Целую средоточье всех путей - Москву.
Земля готова к озимому посеву,
И вдоль, и поперек глубоким плугом
Она разодрана, вся пахоть дважды, трижды
Железом перевернута,
Напитана рудой - живой, горючей, темной,
Полита молоньей, скорожена громами,
Пшеница ядрена под Божьими цепами,
Зернь переполнена тяжелой, дремной жизнью,
И семья светится голубоватым, тонким,
Струистым пламенем...

Да будет горсть полна,
Рука щедра в размахе
И крепок сеятель!
Благослови посев свой, Иисусе!

11 ноября 1919, Коктебель

Святой Серафим

(Поэма)

Пролог:

*«...Когда я говорю о БОГЕ, -
слова, как львы ослепшие,
что ищут источника в пустыне...»*

У ступеней БОЖЬЕГО ПРЕСТОЛА

Волнами гудящих ореолов
Бьет ключом клокочущая бездна...
На закатах солнц в земных пустынях
Так кипят рубиновые ветры
Устремленных к Солнцу облаков.
А когда стихают ураганы
Песнопений Ангельских и хоров,
То со дна миров, из преисподней
Слышен еле различимый голос
К небесам взывающей Земли:
«Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невозходимая,
Радость радости земной!
Торжество непобедимое,
Ангельски доринносимая
Над родимую Землей,
Купина неопалимая!
Херувимов всех честнейшая
Без сравнения славнейшая
Огнезрачных Серафим!
Очистилице чистейшее!
Госпожа Всенепорочная,
Без истленья Бога родшая
Незакатная Звезда,
Радуйся, о Благодатная!
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода!
Ангелами охраняемый
Цвет Земли неувядаемый,
Персть, сияньем растворенная,
Глина, Девством прокаленная,

Плоть, рожденная сиять,
Тварь, до БОГА вознесенная,
Диском Солнца облеченная,
На серпе Луны взнесенная
Приснодевственная Мать!
Ты - Покров природы тварной,
Свет во мраке, Пламень зарный
Путеводного столба!
В грозный час, когда над нами -
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час Великий, в час Возмездья,
В горький Час, когда Созвездья
С неба упадут,
И Земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на Суд,
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется,
Солнце мраком обернется,
И, как книга, развернется
Небо надвое,
И развернется пучина,
И раздастся голос СЫНА:
- «О, племя упрямое!
Я стучал - вы не открыли,
Жаждал - вы не напоили,
Я алкал - не накормили,
Я был наг - вы не одели...»
И тогда ответишь Ты:
- «Я одела, Я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий Дух покрыла,
СОЛНЦЕ МИРА приютила
В чреве темноты».
В час последний,
В тьме кромешной,
Над Своей Землею грешной
Ты расстелишь плат -
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе - одесную
АГНЦУ предстоят.
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной Духом глины,
Без изъята - навсегда.
И удержишь Руку СЫНА
От последнего проклятья
Безвозвратного суда».
Со ступеней БОЖЬЕГО ПРЕСТОЛА
Смотрит вниз, на Землю, Богоматерь.
Под ногами серп горит алмазный,
А пред Нею - кольчатая бездна

Девяти Небесных Иерархия:
Ангелы, Архангелы, Архаи,
Власти и Начала, и Господства,
Троны, Херувимы, Серафимы...
Дышит бездна,
Разжимаясь и сжимаясь,
Поглощая свет и отдавая.
И дыханье бездны:
«Аллилуйя!
Аллилуйя!
Слава ТЕБЕ, БОЖЕ!»
И вокруг ГОСПОДНЕГО Подножья
В самом Сердце Вечности и Славы
Чище всех и ближе всех к Престолу -
Пламенные вихри Серафимов
Веют вечной вьюгою любви.
И в плаще клубящихся сияний,
Звездных бурь и ураганов Солнц,
В пламенах гудящих шестикрылий,
Весь пронизан зреньем, и очами
Весь покрыт извне и изнутри,
Предстоит пред Девою Пречистой
Серафим.
И Серафиму Дева
Молвит:
«Мой любимиче! Погасни
В человеках. Воплотись. Сожги
Плоть Земли сжигающей Любовью!
Быть рожденным, значит быть извечно
Названным по имени Творцом.
Я - Мария, Мать и Матерья,
Память мира, Целокупность твари,
Я - Сокровищница всех имен,
Из Меня возник и вновь в Меня вернется
Земный мир, пылающий страданьем,
Я - Мария, Роза всех молитв.
Мой любимиче! Молю тебя - умри
Жизнью человеческой, а Я пребуду
Каждый час с тобою в преисподней».
И взметнув палящей вьюгой крыльев,
И сверля кометным вихрем небо,
Серафим низринулся на землю.

3 декабря 1919

1-я глава

Каждый сам находит пред рождением
Для себя родителей. Избравши
Женщину и мужа, зажигает
В их сердцах желанье и толкает
Их друг к другу. То, что люди

Называют страстью и любовью,
Есть желанье третьего родиться.
Потому любовь земная - бремя
Темное. Она безлика
И всегда во всех себе подобна.
И любовники в любви невинны:
Нет душам в мир иного входа,
Как сквозь чрево матери. Ключарь же
Сам не знает, для кого темницу
Юдоли земной он отпирает.
Вечный дух, сливающийся с плотью,
Сразу гаснет, слепнет и впадает
В темное беспмятство. Отныне
Должен видеть он очами плоти,
Помнить - записями вещества.
Потому входящий в жизнь вначале
Пробегаёт весь разбег творенья:
В чреве матери он повторяет пляску
Древних солнц в туманных звездвертях.
Застывая в черный ком земли,
Распускается животной, дремной жизнью
Незапамятного прошлого, покамест
Все кипенье страстных руд и лав
Не сжимается в тугой и тесный узел
Слабого младенческого тела.
И, прорвав покровы чревных уз,
С раздирающим, бессильным криком
Падает на дно вселенных - землю.
Богородица Сама для Серафима
Избрала чету
И час рожденья:
Сидора с Агафьей Мошниных,
В граде Курске,
В месяце июле,
Девятнадцатого дня,
За шесть лет до смерти
Государыни Елисаветы,
Дочери Петра Великого.
Сын рожденный наречен был Прохор.
Дремной жизнью жил младенец Прохор.
Дивные виденья озаряли
Детский сон. В душе звучали хоры
Ангельских далеких песнопений.
Жития подвижников пленяли
Детский дух преодолением плоти,
И о чудесах повествованья
Были милы, как напоминанья
Об утраченном, живом законе жизни.
Лет семи с вершушки колокольни
Оступился он. Но чьи-то крылья
Взвились рядом. Чьи-то руки
Поддержали в воздухе, и невредимым

На землю поставили.
Мать шептала про себя:
- «Что убо будет
Отроча сие?» - И, прозревая
Дивные предназначенья, сына
К жизненным делам не понуждала.
Прохор же читал святые книги,
В церкви служб не пропускал, и в храме
Чувствовал себя, как в доме отчем.
Вырос Прохор юношей и стал
Круглолицым, русым и румяным,
Статным русским молодцем. Славянство
Плоть имеет детскую - не тронутую тленьем,
Чистую от записей страстей,
И, как воск, готовую принять
Пламя Духа и сгореть лучистым,
Ярым светочем пред темною иконой.
Стало Прохора тянуть в пустыню,
Прочь от суеты, в лесные скиты,
К подвигам, к молчанью и к молитвам.
Девятнадцать лет имел он от рожденья
Дух Небесный врос в земное тело,
Земный узел был затянут туго,
Духу наступило время снова
Расплести завязанное...

2-я глава

Богородица сама избрала место
На Руси меж Сатисом и Сарой
Для подвижничества Серафима.
Погиб гор порос от века бором,
Дремный лес пропах смолой и зверем,
Жили по рекам бобры и выдры,
Лось, медведи, рыси да куницы.
Место то незнаемо от человека.
Сотни лет безлюдья и пустыни,
Сотни лет молитвы и молчанья.
Разверзалось небо над лесами,
Звезды и планеты колдовали
И струились пламенные токи,
И, пронизаны неизреченным светом,
Цепенели воды и деревья.
Раз пришел на гору юный инок.
Много лет провел один в молитвах.
И срубил из сосен церковь
В честь Пречистой Девы Живоносных Вод.
Основал обитель. Был над ней игумен.
В старости замучен был в темнице
Грешною императрицей Анной.
Так возник в лесах дремучих Саров.

Поздней осенью, замерзшими полями
Прохор шел в обитель. Было ясно.
Изморозь березовые рясна
Убирала к утру хрусталями.
В Саров он пришел в канун Введенья.
Слышал в церкви всенощное бдение,
Восторгаясь пенью и усердью
Иноков в молитве.
Прохор послушанье нес в столярне.
Сладок подвиг плотничьей работы,
Ибо плоть древесная – безгрешна
И, не зная боли, радуется
Взмаху топора и ласке струга,
Как земля – сохе, как хворост – искре.
Плоть сосны благоухает солнцем,
Телом девичьим нежна береза,
Вяз и дуб крепки и мускулисты,
Липа – женственна, а клен - что отрок.
Больше всех других деревьев любил он
Кипарис – душистый, с костью схожий.
Резал крестики для богомольцев.
Всё же время ни за отдыхом, ни за работой
Умственной не прекращал молитвы.
Стала жизнь его одною непрерывной,
Ни на миг не прекращаемой молитвой:
«Господи Исусе Сыне Божий,
Господи, мя грешного помилуй!»
Ею он звучал до самых недр
Каждою частицей плоти, как звучит
Колокол всей толщей гулкой меди.
И, как благовест, – тяжелыми волнами
В нем росло и ширилось сознание
Плоти мира – грешной и единой.
Как ни туго вяжет плоть земная,
Как ни крепко выведены своды
И распоры тела, но какой темнице
Удержать верховный омут света,
Ураган молитв и вихри славословий?
Тело Прохора не вынесло напора
Духа. Прохор слег в постель. Три года
Болен был. И саровские старцы
От одра его не отходили.
Иноки служили литургии
И справляли всенощные бдения,
Чтобы вымолить его у смерти.
А когда больного причастили,
У одра явилась Богоматерь,
Протянула руку и сказала:
«Сей есть рода нашего. Но рано
Землю покидать ему». Коснулась
Правого бедра. Раскрылась рана,
Вытекла вода, и исцелился Прохор.

Выздравев, был Прохор посылаем
По Руси за сбором подаяний.
Он ходил по городам, по селам,
По глухим проселочным дорогам,
По лесным тропам, по мшистым логам,
Голым пашням, пажитям веселым.
С нежной лаской лыковые лапти
Попирали и благословляли
Землю темную, страдальную, святую.
Так минули годы послушанья.
Возвратившись в монастырь, он вскоре
Удостоен был монашеского сана.
Старец же Пахомий, прозревая
Прохора божественную тайну,
Повелел, чтоб в иноческом чине
Он именовался Серафимом,
Что означает «пламенный».

3-я глава

Служба утром шла в Страстной Четверг.
Серафим-иеродьякон служит
Литургию. Воздух в церкви полон
Вещим трепетом незримых крыльев,
Молнийные юноши сверкают
В златотканых белых облаченьях,
И звенит, сливаясь с песнопеньем,
Тонкий звон хрустальных голосов.
Говорит священник тайную молитву:
«Сотвори со входом нашим входу
Ангелов, сослужащих нам, быти!»
Вспыхнул храм неизреченным блеском;
В окруженьи света, сил и славы,
Точно в золотистом, пчельном рое,
С западных церковных врат к амвону
Сын Господний в лике человечьем
К ним идет по воздуху. Вошел
В образ свой, и все иконы церкви
Просветились и обстали службу
Сонмами святых. Преображенье
Было зримо только Серафиму.
Онемел язык и замер дух.
Под руки ввели его в алтарь,
Три часа стоял он без движенья,
Только лик – то светом разгорался,
То бледнел, как снег.

4-я глава. Тварь

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню: русла
И пути ему видней отсюда,

Здесь он постигает различенье
Всех вещей на доброе и злое,
На поток цветенья и распада.
Мир в пустыне виден по-иному,
За мирским виднее мировое,
Мудрость в нем рождается иная,
Он отныне весь иной — он Инок.
Серафим из монастырской кельи
Жить ушел в пустыню со зверями.
Сам себе в лесу избу построил
На речном обрыве возле бора,
Огород вскопал, поставил ульи.
(Пчелы в улье то же, что черницы.)
Мох собирал, дрова рубил, молился
По пустынножительскому чину.
Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь крохами, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь звери к келье собирались:
Зайцы, волки, лисы да куницы,
Прилетали вороны и дятлы,
Приползали ящерицы, змеи,
Принимали хлеб от Серафима.
Тишину и строгость любят звери,
Сердцем чтут молитву и молчанье.
Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит
Сухарями серого медведя.
Онемела и ступить не смеет.
Серафим же говорит: «Не бойся,
Покорми его сама». — «Да страшно —
Руку он отъест». — «Ты только веруй,
Он тебя не тронет... Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то? Не видишь:
Гостью-то попотчевать нам нечем?
Принеси нам утешеньица».
Час спустя медведь вернулся к келье:
Подав старцу осторожно в пасти
Пчельный сот, завернутый в листья.
Ахнула монахиня. А старец:
«Лев служил Герасиму в пустыне,
А медведь вот Серафиму служит...
Радуйся! Чего нам унывать,
Коли нам лесные звери служат?
Не для зверя, а для человека
Бог сходил на землю. Зверь же раньше
Человека в нем Христа узнал.
Бык с ослом у яслей Вифлеемских
До волхвов Младенцу поклонились.
Не рабом, а братом человеку
Создан зверь. Он преклонился долу,
Дабы людям дать подняться к Богу.

Зверь живет в сознании омраченном,
Дабы человек мог видеть ясно.
Зверь на нас взирает с упованием,
Как на Божиих сынов. И звери
Веруют и жаждут воскресенья...
Покорилась тварь не добровольно,
Но по воле покорившего, в надежде
Обрести через него свободу.
Тварь стонет, мучится и ищет
У сынов Господних откровенья,
Со смиреньем кротко принимая
Весь устав жестокий человека.
Человек над тварями поставлен
И за них ответит перед Богом:
Велика вина его пред зверем,
Пред домашней тварью особенно».

5-я глава

Келья инока есть огненная печь,
В коей тело заживо сгорает.
И пустынножителство избравший
Трудится не о своем спасеньи:
Инок удаляется в пустыню
Не бежать греха, но, грех приняв
На себя, собой его очистить,
Не уйти от мира, но бороться
За него лицом к лицу с врагом,
Не замкнуться, но гореть молитвой
Обо всяком зле, о всякой твари,
О зверях, о людях и о бесах.
Ибо бесы паче всякой твари
Милосердьем голодны, и негде
Им его искать, как в человеке.
Бес рожден от плоти человеческой:
Как сердца цветут молитвой в храме,
Как земля весной цветет цветами,
Так же в мире есть цветенье смерти —
Труп цветет гниеньем и червями,
А душа, охваченная тленьем, —
Бесами, — затем, что Дьявол — дух
Разрушенья, тленья и распада.
Человек, пока подвластен миру
И законам смерти и гниенья,
Сам не знает, что есть искушенье.
Но лишь только он засветит пламя
Внутренней молитвы, тотчас бесы,
Извергаемые прочь, стремятся
Погасить лампаду и вернуться
В смрадные, насиженные гнезда.
Грешник ходит — и не слышно беса.
Вслед же иноку они клубятся стаей.

Потому-то монастырь, что крепость,
Осаждаем бесами всечасно.
Бес уныния приходит в полдень
И рождает беспокойство духа,
Скуку, отвращение, зевоту,
Голод и желанье празднословить,
Гонит прочь из кельи точно хворост,
Ветрами носимый, иль внушает
То почистить, это переставить,
Ум бесплодным делая и праздным.
Бес вечерний сердце жмет и тянет
Горестной, сладимую истомой,
Расстиляется воспоминаньем,
Соблазняет суетою неизжитой.
Бес полуношный наводит страхи,
Из могил выходит мертвецами,
Шевелится за спиной, стучится в окна,
Мечет вещи, щелкает столами,
На ухо кричит, колотит в двери,
Чтоб отвлечь сознание от молитвы.
Бес же утренний туманит мысли
Теплым телом, манит любострастьем,
Застилает мутным сном иконы,
Путает слова и счет в молитвах.
Хитры и проникновенны бесы.
Но в обителях со вражьей силой
Братья борется, как с голубями,
А пустынники — те, как со львами
Или с леопардами в пустыне.
Ибо к тем, кто трудится в пустыне,
Дьявол сам с упорством приступает.

6-я глава

Серафим лицом к лицу боролся
С дьяволом и с бесами. Нельзя
Ангелу в лицо взглянуть от блеска,
Так же нестерпимо видеть бесов.
Ибо бесы — гнусны. Всё, что скрыто
Человеку в собственной природе
Темного, растленного и злого,
Явлено ему воочью в бесе:
Сам себе он в бесьем лике гнусен.
Серафим, приняв всю тягу плоти,
Чрез нее был искушаем бесом.
Русский бес паскудлив и озорист,
Но ребячлив, прост и неразумен.
Ибо плоть славянская незрела
И не знает всех глубин гниенья.
И когда он вышел из затвора,
То увидели, что лик его
Стал сгущенным светом, всё же тело —

Что клубок лучей, обращенных внутрь.
В небе
Ближе всех он был у Бога,
Здесь же стал убогим Серафимом.
Был на небе он покрыт очами,
А теперь его покрыли раны.
Ибо раны – очи, боль есть зренье
Человеческой смиренной плоти.
А над поясницей развернулось
Шестикрылье огненное, оку
Невидимое. И стал согбенен
Серафим под тягой страшной крыльев.
И ходил он, опираясь на топорик.
А затем, чтоб пламенным порывом
От земли не унести, с тех пор
На плече носил мешок с камнями
И землей, а сверху клал
Самую большую тягу,
Приковавшую его к земле:
Евангелье Христово. А так как крылья
Не давали ему ни сесть, ни лечь – он спал,
Став на колени, лицом к земле,
На локти опершись
И голову держа в руках.

7-я глава

Так, очищенный страданьем, прозорливый,
Растворил он людям двери кельи
И отверз свои уста, уча.
Хлынула вся Русь к его порогу.
В тесной келье, залитой огнями,
Белый старец в белом балахоне,
Весь молитвами, как пламенем, овеян,
Сам горел пылающей свечой.
Приходили ежедён толпами
Праведники, грешники, страдальцы,
Мужики, чиновники, дворяне,
Нищие, калеки и больные
И несли ему на исцеленье
Плоть гниющую
И омертвелый дух.
Приводили ребятишек бабы,
Землю, где ступал он, целовали,
Лаяли и кликали кликуши,
В бесноватом бес в испуге бился
И кричал неистово: «Сожжет!»
Серафим встречал пришедших с лаской,
Радостный, сияющий и тихий,
Кланялся иным земным поклоном,
Руки целовал иным смиренно,
Всех приветствовал: «Христос воскрес!»

Говорил: «Уныние бывает
От усталости. Не грех веселость.
Весел дух перед лицом Творца!
Надо скорбь одолевать, нет дороги унывать.
Иисус – всё победил, смертью смерть Христос убил,
Еву Он преобразил и Адама воскресил!»
Говорил, встречая темный народ:
«Ох, беда-то какая ко мне идет...
Люди с людьми-то что делают...
Что слез-то пролито, что скорби тут».
Матери, которой сын резвился
Средь лампад, стоявших пред иконой:
«С малюткой ангел Божий играет, матушка.
Дитя в беспечных играх
Как можно останавливать!»
О свечах горящих говорил он:
«Телом человек свече подобен.
Как она, он пламенем сгорает.
Вера – воск. Светильник есть надежда.
Огонь – любовь. Будь Господу свечой!
Если кто ко мне имеет веру,
За того горит перед иконой
У меня свеча. Потухнет – преклоняю
За него колени, ибо знаю,
Что он впал сегодня в смертный грех.
Как не может воск не разогретый
Оттиск дать печати, так и души,
Не смягченные грехами и страданьем,
Не воспримут Божию печать».
Прибежал однажды утром в Саров
Мужичонко в зипуне, без шапки,
Спрашивал у встречных у монахов:
«Батюшка, ты что ли Серафим?»
Привели его. Он бухнул в ноги,
Говорит: «Украла лошадь.
Нищий я. Семья... Кормить чем буду?..
Говорят, угадываешь ты...»
Серафим, за голову обнявши,
Приложил ее к своей и молвит:
«Огради себя молчаньем, сыне!
Поспеши в посад Борисоглебов,
Станешь подходить – сверни налево,
Да пройди задами пять домов.
Тут в стене калитка. Против входа
Прямо у колоды конь привязан.
Отвяжи и выведи. Но молча!»
Как сказал, так и случилось всё.
Он вникал во все дела людские,
Малые, житейские, слепые,
Говорил с душевным человеком
О мирском, с духовным – о небесном.
А таких, кому речей не надо,

Деревянным маслицем помажет,
Даст воды испить из рукавички,
Даст сухарик, напоит вином
И с души весь слой дорожной пыли
Отряхнет и зеркало протрет,
Чтоб земные души отразили
Божий Лик в глубинах темных вод.

8-я глава

Болен был помещик Мотовилов.
На руках был принесен он в Саров.
Старец строго спросил больного:
«Веруете ль вы в Христа, что Он —
Богочеловек, а Богоматерь
Истинно есть Приснодева?» — «Верю».
— «Веруете ль, что Господь как прежде
Исцелял, так и теперь целит?»
— «Верую». — «Так вот — извольте видеть:
Иисус целил больных, снимая
С них грехи, болезни ж принимая
На Себя. И есть Он — прокаженный,
Все-больной, все-грешник, все-страдалец.
Было так, так и поныне есть.
Коли верите, то вы здоровы».
«Как же я здоров, коль вы и слуги
Под руки поддерживаете меня?»
— «Вы совершенно здоровы,
Всем вашим телом. Крепче утверждайтесь
Ногами на земле. Ступайте смело.
Вот, Ваше Боголюбие, как хорошо пошли!
Божья Матерь Сына упросила:
Ей молитесь и благодарите».
В ноябре приехал Мотовилов
Старца поблагодарить. Снежило.
День был пасмурный. Пошли по лесу.
Старец посадил его на пень,
Сам присел на корточки и молвит:
«Каждый человек есть ангел,
Замкнутый в темницу плоти.
Если бы соизволением Божиим
Мы могли увидеть душу
Ничтожнейшего из людей такую,
Как есть она, мы были б сожжены
Ее огнем в то самое мгновенье,
Как если б были ввергнуты в жерло
Вулкана огнедышащего.
Был сотворен Адам
Неподлежащим действию стихий:
Ни огонь ожечь, ни потопить вода
Его не в силах были.
Каждой твари он ведал имена.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

И понимал глаголы Господа и ангелов.
Был Адам в раю подобен углю
Раскаленному. И, вдруг погаснув,
Плотен стал и холоден, и черен.
Но Христос вернул ему прообраз,
Дух Святой вдохнув в учеников».
— «А что же значит
Быть в Духе, батюшка?» —
А Серафим, взяв за плечи:
«Теперь мы оба в Духе.
Что ж ты не смотришь на меня?»
— «Не могу смотреть на вас... От лика
Точно молнии... Глаза от боли ломит».
— «Не устрашайтесь. Ваше Боголюбие,
Теперь вы сами светлы, как я,
Ибо тоже в полноте вы Духа Божьего,
Иначе вам меня таким не увидеть.
Не бойтесь. Смотрите прямо мне в глаза».
Глянул — и ужас объял его: поляна
Белая, и лес, крупа снежит,
А посреди поляны ярче солнца
В самом знойном блеске полуденных лучей —
Как вихрь сверкающий, клубится шестикрылье.
А в сердце света Лик Серафима —
Уста шевелятся, глаза глядят,
Да руки поддерживают за плечи.
«Что чувствуете, Ваше Боголюбие?» — «Мир
И тишину такую, что нету слов».
— «Се есть мир, о коем сказано:
Мой мир даю вам!
А что еще вы чувствуете?» — «Радость
Необычайную». — «Се есть радость
В духе рожденного. Жена, когда рождает,
Терпит боли. А родив,
Себя не помнит от радости.
Еще что чувствуете?» — «Теплоту».
— «Какую ж теплоту-то, батюшко?
Ведь мы в лесу сидим. Теперь зима.
Под нами снег и снег на нас.
Какая же теплота?» — «А вот как в бане,
Как пару поддадут...» — «А запах тоже
Такой же, как из бани?» — «Нет.
В детстве матушка, бывало, покупала
Духи в Казани в лучших магазинах —
Так даже в них благоуханья нет такого».
— «Так, Ваше Боголюбие,
Я так же, как и вы, всё чувствую,
Но спрашиваю, дабы убедиться: так ли
Вы всё восприняли? Нет слаще
Благоухания Святого Духа.
Вот вам тепло, а снег на вас не тает,
Затем, что теплота не в воздухе, а в вас.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

О ней же сказано, что Царство Божье
Внутри нас есть. Сияние ж такое
От духа, если он просветится сквозь плоть.
Рассказывают о пустынноике Сырое,
Что пред смертью лик его
Как месяц просиял.

Он говорит:

— Вот лик пришел пророков...»

Потом лицо сильнее заблестало:

— Вот лик апостолов...»

И стало вдвое сильнее сияние:

— Ангелы пришли за мной».

Вдруг стал он точно солнце:

— Вот сам Христос приидет!»

И предал дух и стал

Он весь как молния.

Вера, Ваше Боголюбие, не в мудрости,

А в сих явленьях духа.

Вот в этом состояньи

Мы оба и находимся.

Запомните сей час:

Для ради сокрушений сердца вашего

Предстательством самой Пречистой Девы

И по смиренным просьбам Серафима

Господь вас удостоил лицезренья

Великолепий славы».

Так «Служке Божьей Матери и Серафима»,

Как звал себя до смерти Мотовилов,

Был явлен подлинный небесный облик старца.

9-я глава

В очищенье и в преображенье плоти

Три удела емлет Богоматерь:

Иверский, Афонский и Печерский.

А теперь — Дивеевский — четвертый

Послан был устроить Серафим.

Как лампаду в древнем срубе, старец

Женский монастырь возжег с молитвой

В самом сердце северной Руси.

Ни один был камень не положен,

Ни одна молитва не свершалась,

Ни одна не принята черница

Без особого соизволения

Старцу Божьей Матери на то.

Каждый колышек был им окрещен,

Каждый камешек был им омолен,

И сама Небесная Царица

Собственными чистыми стопами

Всю обитель трижды обошла.

А отдельно, рядом с общим скитом,

Рядом с женской скорбною лампадой,

Серафим затеплил скит девичий —
Ярый пламень восковой свечи
От сердец Марии и Елены —
Двух святых и непорочных дев.
Девочкой Мария увязалась
За сестрой-монахиней в Саров.
Было ей тринадцать лет. Крестьянка.
Тонкая. Высоконькая. Ликом
Нежная и строгая. Так низко
Над глазами повязь опускала,
Что видала лишь дорогу в Саров,
Кончики бредущих ног, а в мире
Только лик Святого Серафима.
В девятнадцать лет — отроковица
И молчальница ушла из жизни.
Серафим ей тайны о России
Открывал, пред смертью посхимил,
Называл ее своей невестой
И начальницей небесных дев.
Во миру была сестра Елена
Светской девушкой. Любила танцы,
Болтовню, и смех, и развлеченья.
Раз в пути она ждала в карете
Лошадей. Раскрыла дверцу:
Видит в небе, прямо над собою
Черный змий с пылающею пастью.
Силы нет ни крикнуть, ни позвать.
Вырвалось: «Небесная Царица!
Защити!» И сгинул змий. Воочью
Поняла она весь смрад и мерзость беса
И решила в монастырь уйти.
За благословеньем к Серафиму
Обратилась, а в ответ ей старец:
«И не думай, и никак нельзя.
Что ты — в монастырь? Ты выйдешь замуж».
Три зимы молила Серафима.
Он же всё:
«Как в тягостях-то будешь,
Лишь не будь скоро: ходи потише —
Понемногу с Богом и снесешь».
Уж совсем отчаялась. Но старец
Ей пока дозволил поселиться
В общине Дивеевской. И снова:
«Ну, теперь пора и обручиться
С женишком». — «Я замуж не могу».
— «Всё еще не понимаешь, радость?
Ты пойдь к начальнице-то вашей,
Ксении Михайловне, — скажи ей,
Что тебе убогий Серафим
С женихом велит, мол, обручиться,
В черненькую ряску обрядиться —
Вот ведь замуж за кого идти!

Вижу весь твой путь боголюбивый.
Здесь тебе и жить, и умереть.
Будь всегда в молитве и в молчаньи.
Спросят что — ответ. Заговорят — уйди».
Слишком быстрою была Елена:
Вся — порыв, вся — пламень, вся — смиренье.
Потому пред ней и обнажилась
Нежить гнусная и бесья суета.
Серафим же говорил: «Не бойся.
Львом быть трудно. Будь себе голубкой.
Я ж за всех за вас пребуду львом».
Раз, призвавши, он сказал Елене:
«Дать хочу тебе я послушанье:
Болен братец твой, а он мне нужен
Для обители. Умри за брата».
Преклонясь, ответила: «Благословите,
Батюшка!» И вдруг смутилась: «Смерти
Я боюсь...» — «Что нам с тобой бояться?» —
Успокоил Серафим. Вернулась
И слегла. И больше не вставала.
Перед смертью Огнь Неизреченный
Видела, и райские чертоги.
Так и умерла «за послушанье».
И в гробу два раза улыбнулась.
Серафим же, зная час кончины,
Торопил сестер: «Скорей грядите,
Ваша госпожа великая отходит».
Плачущим же говорил: «Не плачьте.
Ничего не понимают — плачут.
Кабы видели — душа-то как взлетела:
Точно птица выпорхнула! Расступились
Серафимы с Херувимами пред ней».

10-я глава

В Благовещение к Серафиму
Евдокия-старица пришла.
Светлый встретил инокиню старец:
«Радость-то нам, радость-то какая!
Никогда и слыхом не слыхалось:
Божья Матерь будет в гости к нам».
— «Не достойна я...» — «Хотя и не достойна,
Упросил я Деву за тебя.
Рядом стань и повторяй за мною:
«Алилуйя! Радуйся, Невеста
Неневестная!» Не бойся. Крепче
За меня держись. Нам Божья
Благодать является». Раздался
Шум, подобный шуму леса в бурю,
А за ветром ангельские хоры,
Распахнулись стены, и под сводом
Затеплились тысячи свечей.

Двое ангелов вошли с ветвями
Расцветающими. Следом старцы
И сама Небесная Царица.
И двенадцать чистых дев попарно.
Говорит Царица Серафиму:
«Мой любимиче, проси, что хочешь, —
Всё услышу, всё исполню Я».
Стал просить убогий о сиротах
Серафимовых и всем прощенье
Вымолил. А старица упала
Замертво. А после слышит, будто
Спрашивает Богоматерь: «Кто же
Это здесь лежит?» А Серафим:
«Старица, о коей я молился».
Божья Матерь говорит: «Девушка!
Встань. Не бойся: здесь такие ж девы,
Как и ты. Мы в гости к вам пришли.
Подойди сама и расспроси их,
Кто они». Сначала Евдокия
Светлых юношей спросила: «Кто вы?»
— «Божьи ангелы». А после старцев...
«Я — Креститель. Я на Иордане
Господа крестил. И обезглавлен
Иродом». — «Я — Иоанн, любимый
Ученик. Мне дано Откровенье».
После к девам подошла по ряду.
Назвались святые девы Феклой,
Юлианией, Варварой, Пелагеей,
Ксенией, Ириной... Все двенадцать
Рассказали ей и жизнь, и муки,
Всё, как писано в Четьи-Минях.
После с Серафимом все прощались,
Руку в руку с ним поцеловались.
И сказала Богоматерь: «Скоро,
Мой любимиче, ты будешь с нами».
Старец стал готовиться к отходу.
Телом одряхлел, ослабли силы.
Говорил: «Конец идет. Я духом
Только что родился. Телом — мертв».
Начал прятаться от богомольцев,
Издали и молча осеняя
Знаменьем собравшийся народ.
В Новый год был чрезвычайно весел,
Обошел во храме все иконы,
Всем поставил свечи, приложился,
С братией простился, ликовался,
Трижды подходил к своей могиле,
В землю всё смотрел, как бы ликуя.
После же всю ночь молился в келье,
Пел пасхальные веселые каноны:
«Пасха велия... Священнейшая Пасха!»
Духом возносясь домой — на небо.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

И взнесенный дух не воротился в тело.
Умер, как стоял, — коленопреклоненный.
Только огонь, плененный смертной плотью,
Из темницы вырвавшись, пожаром
Книги опалил и стены кельи.
Но земли любимой не покинул
Серафим убогой после смерти.
Раз зимой во время снежной вьюги
Заплутал в лесных тропах крестьянин.
Стал молиться жарко Серафиму.
А навстречу старичок — согбенный,
Седенький, в лаптях, в руке топорик.
Под уздцы коня загреб и вывел
Сквозь метель к Дивеевским заборам.
«Кто ты, дедушка?» — спросил крестьянин.
— «Тутошний я... тутошний...» И сгинул.
А зайдя к вечерне помолиться,
Он узнал в часовне на иконе
Давешнего старичка и понял,
Кто его из снежной вьюги вывел.
Всё, с чем жил, к чему ни прикасался:
Вещи, книги, сручья и одежды,
И земля, где он ступал, и воды,
Из земли текущие, и воздух, —
Было всё пронизано любовью
Серафимовой до самых недр.
Всё осталось родником целящей,
Очищающей и чудотворной силы.
— «Тутошний я... тутошний...» Из вьюги,
Из лесов, из родников, из ветра
Шепчет старческий любовный голос.
Серафим и мертвый не покинул
Этих мест, проплавленных молитвой,
И, великое имея дерзновенье
Перед Господом, заступником остался
За святую Русь, за грешную Россию.

1919, 1929, Коктебель

Святой Франциск

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поет и причитает:
«Брат мой, Солнце! старшее из тварей,
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Брат мой, Месяц, и сестрички, звезды,
В небе Бог развесил вас, как грозды,
Братец ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.
Ты, водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работающей и смиренной.
Брат огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветает.
Брат мой тело, ты меня одело,
Научило боли и смиренность, и терпению,
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.
Смерть земная - всем сестра старшая,
Ты ко всем добра, и все смиренно
Чрез тебя проходят, будь благословенна!»
Вереницами к нему слетались птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорил им:
«Пташки-птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком множеств ваших не объемлю.
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна да поете;
Бог вам крылья дал да вольный воздух,
Перьями одел и научил вить гнезда,
Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!»
Приходили, прибежали, приползали
Чрез кусты, каменья и огады
Звери кроткие и лютые и гады.
И, крестя их, говорил он волку:
«Брат мой волк, и въявь, и втихомолку
Убивал ты Божия творенья
Без Его на это разрешенья.
На тебя все ропщут, негодую:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться,
И тогда дела твои простятся.
Люди все твои злодейства позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам, юродивым и нищим,
Каждый даст тебе и хлеб, и пищу.
Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью».
И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

23 ноября 1919, Коктебель

Святая Русь

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко -
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы -
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть царевой ты не захотела -
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть - холопам, силу - супостатам,
Смердам - честь, изменникам - ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, -
Ты - бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917, Коктебель

Россия

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной -
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всею красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленную верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.

17 августа 1915, Биарриц

Трихины

Появились новые трихины...

Ф.М. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут - мор, голод и война.
Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,
Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.

10 декабря 1917, Коктебель

Гражданская война

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.

Другие - из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других - лишенных всех корней -
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский -
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Всё золото, весь тлен идей,

Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытопанных жнитв.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас - тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

21 ноября 1919, Коктебель

Заклинание

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений -
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,

Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

19 июня 1920, Коктебель

Красная пасха

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел.

Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.
Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш - тленьем.
Стволы деревьев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.

А души вырванных
Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...

Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

21 апреля 1921, Симферополь

Потомкам

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письма.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Но, может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посередине дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек - один другому - дьявол;
Кровь - спайкой душ; борьба за жизнь - законом;
И долгом - месть.

Но мы не покорились:

Ослушники законов естества -
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей, мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществлении человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней его последних судеб.

Далекие потомки наши, знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти,
То в этом мире есть и наша доля!

21 мая 1921, Симферополь

Родина

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.

Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон - твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба -
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии - в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918, Коктебель

Молитва о городе

И скуден, и неукрашен
Мой древний град
В венце гонуэзских башен,
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дождей, то крымских ханов -
Звезду и серп;
Под сенью тощих акаций
И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
Давно храня
Глухой перегар столетий
И вкус огня;
А в складках холмов охряных -
Великий сон:
Могильники безымянных
Степных племен;
А дальше - зыбь горизонта
И пенный вал

Негостеприимного Понта
У желтых скал.

Войны, мятежей, свободы
Дул ураган;
В сраженьях гибли народы
Далеких стран;
Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближаясь, клики
Взметенных толп;
Суда бороздили воды,
И борт о борт
Заржавленные пароходы
Врывались в порт;
На берег сбегали люди,
Был слышен треск
Винтовок и гул орудий,
И крик, и плеск,
Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей.

Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок, и руку
Хотел заковать.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своею любовью,
Кольцом молитв,
Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
Пойми... прости!

2 июня 1918, Коктебель

Протопоп Аввакум

1

Прежде нежели родиться - было
Во граде солнечном,
В Небесном Иерусалиме:
Видел солнце, разверстое, как кладезь.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Силы небесные кругами обступили тесно -
Трижды тройным кольцом Сияющие Славы:
В первом круге -
Облакам подобные и ветрам огненным;
В круге втором -
Гудящие, как вихри косматых светов;
В третьем круге -
Звонящие и светлые, как звезды;
А в недрах Славы - в свете неприступном
Непостижима, Трисианна, Пресвятая
Троица,
Подобно алмазному, вне мира существу,
И больше мира.
И слышал я:
Отец рече Сынови:
- Сотворим человека
По образу и по подобию огня небесного... -
И голос был ко мне:
«Ти подобает облачиться в человека
Тлимого,
Плоть воспринять и по земле ходить.
Поди: вочеловечься
И опаляй огнем!»
Был же я, как уголь раскаленный,
И вдруг погас,
И черен стал,
И, пеплом собственным одевшись,
Был извержен
В хлябь вешнюю.

2

Пеплом собственным одевшись, был извержен
В хлябь вешнюю:
Мое рождение было
За Кудмою-рекой
В земле Нижегородской.
Отец мой прилежаще пития хмельного,
А матери - постница, молитвенница бысть.
Аз ребенком малым видел у соседа
Скотину мертвую,
И, во ночи восставши,
Молился со слезами,
Чтоб умереть и мне.
С тех пор привык молиться по ночам.
Молод осиротел,
Был во попы поставлен.
Пришла ко мне на исповедь девица,
Делу блудному повинна,
И мне подробно извещала.
Я же - древокаменный врач -
Сам разболелся,

Внутрь жгом огнем блудным,
Зажег я три свечи и руку
Возложив держал,
Дондеже разженье злое не угасло.
А дома до полночи молясь:
Да отлучит мя Бог -
Понеже бремя тяжко, -
В слезах забылся.
А очи сердечнии
При Волге при реке и вижу:
Плывут два корабля златые -
Всё злато: весла, и шесты, и щегла.
«Чьи корабли?» - спросил.
- «Детей твоих духовных».
А за ними третий -
Украшен не золотом, а разными пестротами:
Черно и пепельно, сине, красно и бело.
И красоты его ум человеческий вместить не может.
Юнош светел парус правит.
Я ему:
- «Чей есть корабль?»

А он мне:

- «Твой.

Плыви на нем, коль миром докучаешь!»
А я, вострепетав и седше, рассуждаю:
Аз есмь огонь, одетый пеплом плоти,
И тело наше без души есть кал и прах.
В небесном царствии всем золота довольно.
Нам же, во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе, подобает
Страдати неослабно.
Что будет плаванье?
По мале времени, по виденному, беды
Восстали адовы, и скорби, и болезни.

3

Беды восстали адовы, и скорби, и болезни:
От воевод терпел за веру много:
Ин - в церкви взяв,
Как был - с крестом и в ризах
По улице за ноги волочил,
Ин - батогами бил, топтал ногами,
И мертв лежал я до пол часа и паки оживел,
Ин - на руке персты отгрыз зубами».

В село мое пришедше скоморохи
С домрами и с бубнами,
Я ж - грешник, - о Христе ревнуя, изгнал их,
Хари
И бубны изломал -
Един у многих.

Медведей двух великих отнял:
Одного ушиб - и паки ожил -
Другого отпустил на волю.
Боярин Шереметьев, на воеводство плывучи,
К себе призвал и, много избраня,
Сына брадобрица велел благословить,
Я ж образ блудоносный стал обличать.
Боярин, гораздо осердясь,
Велел мя в Волгу кинуть.
Я ж, взяв клюшку, а мати - некрещеного младенцу
Побрел в Москву - Царю печалиться.
А Царь меня поставил протопопом.

В те поры Никон
Яд изрыгнул.
Пишет:

«Не подобает в церкви

Метание творити на колену.
Тремя перстами креститесь».
Мы ж задумались, сошедшись.
Видим: быть беде!
Зима настала.
Озябло сердце.
Ноги задрожали.
И был мне голос:

«Время

Приспе страдания.
Крепитесь в вере.
Возможно Антихристу и избранных прельстити»...

4

Возможно Антихристу и избранных прельстити.
Взяли мя от всенощной, в телегу посадили,
Распяли руин и везли
От Патриархова двора к Андронью,
И на цепь кинули в подземную палатку.
Сидел три дня - не ел, не пил:
Бил на цепи поклоны -
Не знаю - на восток, не то на запад.
Никто ко мне не приходил,
А токмо мыши и тараканы,
Сверчок кричит и блох довольноно.
Ста предо мной - не вем кто -
Ангел, аль человек, -
И хлеба дал и штец хлебать,
А после сгинул,
И дверь не отворялась.
Наутро вывели:
Журят, что Патриарху
Не покорился.
А я браню и лаю.

Приволочили в церковь - волосы дерут,
В глаза плюют
И за чепь торгают.
Хотели стричь,
Да Государь, сошедши с места, сам
Приступился к Патриарху -
Упросил не стричь.
И был приказ:
Сослать меня в Сибирь с женою и детьми.

5

Сослали меня в Сибирь с женою и с детьми.
В те поры Пашков, землицы новой ищучи,
Даурские народы под руку Государя приводил.
Суров был человек - людей без толку мучит.
Много его я уговаривал,
Да в руки сам ему попал.

Плотами плыли мы Тунгускою рекой.
На Долгом на пороге стал Пашков
С дощеника мя выбивать:
- «Для тебя-де дощеник плохо ходит,
Еретик ты:
Поди-де по горам, а с казаками не ходи».
Ох, горе стало!
Высоки горы -
Дебри непроходимые.
Утесы, яко стены,
В горах тех - змии великие,
Орлы и кречеты, индейские курята,
И многие гуляют звери -
Лоси, и кабаны,
И волки, и бараны дикие -
Видишь воочию, а взять нельзя.
На горы те мя Пашков выбивал
Там со зверьми и с птицами витати.
А я ему посланьице писал.
Начало сице:

«Человече! убойся Бога,
Сидящего на херувимех и презирающего в бездны!
Его ж трепещут Силы небесные и тварь земная.
Един ты презираешь и неудобство показуешь».

Многонько там написано.
Привели мя пред него, а он
Со шпагою стоит,
Дрожит.

- «Ты поп, или распоп?»

А я ему:

- «Есмь протопоп.

Тебе что до меня?»

А он рыкнул, как зверь, ударил по щеке,
Стал чепью бить,
А после, разболокши, стегать кнутом.
Я ж Богородице молюсь:
- «Владычица!
Уйми Ты дурака того!»

Сковали и на беть бросили:
Под капелью лежал.
Как били - не больно было,
А, лежа, на ум взбрело:
«За что Ты, Сыне Божий, попустил убить меня?
Не за Твое ли дело стою?
Кто будет судией меж мною и Тобой?»
Увы мне! будто добрый,
А сам, что фарисей с навозной рожей, -
С Владыкою судиться захотел.
Есмь кал и гной.
Мне подобает жить с собаками и свиньями:
Воняем -
Они по естеству, а я душой и телом.

6

Воняем: одни по естеству, а я душой и телом.
В студеной башне скованный сидел всю зиму.
Бог грел без платья:
Что собачка на соломке лежу.
Когда покормят, когда и нет.
Мышей там много - скуфьею бил,
А батожка не дали дурачки.
Спина гнила. Лежал на брюхе.
Хотел кричать уж Пашкову: Прости!
Да велено терпеть.
Потом два лета бродили по водам.
Зимой чрез волоки по снегу волоклись.
Есть стало нечего.
Начали люди с голоду мереть.
Река мелка.
Плоты тяжелы.
Палки суковаты.
Кнутья остры.
Жестоки пытки.
Приставы немилостивы.
А люди голодные:
Огонь да встряска -
Лишь станут мучать,
А он помрет.
Сосну варили, ели падаль.
Что волк не съест - мы доедим.
Волков и лис озяблых ели.
Кобыла жеребится - голодные же втай

И жеребенка, и место скверное кобылье -
Всё съедят.
И сам я - грешник - неволею причастник
Кобыльим и мертвечьим мясам.
Ох времени тому!
Как по реке по Нерчи
Да по льду голому брели мы пеши -
Страна немирная, отстать не смеем,
А за лошадьми не поспеть.
Протопопица бредет, бредет,
Да и повалится.
Ин томный человек набрел,
И оба повалились:
Кричат, а встать не могут.
Мужик кричит:

«Прости, мол, матушка!»

А протопопица:

«Чего ты, батько,

Меня-то задавил?»

Приду - она пеняет:

«Долго ль муки сей нам будет, протопоп?»

А я ей:

«Марковна, до самой смерти».

Она ж, вздохня, ответила:

«Добро, Петрович.

Ин дальше побредем».

7

Ин дальше побредем,
И слава Богу сотворившему благая!
Курочка у нас была черненька.
Весь круглый год по два яичка в день
Робяти приносила.
Сто рублей при ней - то дело плюново.
Одушевленное творенье Божье!
Нас кормила и сама сосновой кашки
Тут клевала из котла,
А рыбка прилучится - так и рыбку.
На нарте везучи, в те поры задавили
Ее мы по грехам.
Не просто она досталась нам:
У Пашковой снохи-боярыни
Все куры переслепли.
Она ко мне пришла,
Чтоб я о курах помолился.
Я думаю - заступница есть наша
И детки есть у ней.
Молебен пел, кадил,
Куров кропил, корыто делал,
Водой святил, да всё ей отослал.
Курки исцелели -

Застенок учредил и огонь расклад:
Хочет меня пытаться.
А я к исходу душевному молитвы прочитал:
Стряпня знакома -
После огня того живут не долго.
Два палача пришли за мной...
И чудно дело:
Еремей сам-друг дорожкой едет - ранен.
Всё войско у него побили без остатку,
А сам едва ушел.
А Пашков, как есть пьяной с кручины,
Очи на мя возвел, -
Словно медведь морской, белой, -
Жива бы проглотил, да Бог не выдал.
Так десять лет меня он мучал.
Аль я его? Не знаю.
Бог разберет в день века.

9

Бог разберет в день века.
Грамота пришла - в Москву мне ехать.
Три года ехали по рекам да лесам.
Горы, каких не видано:
Врата, столпы, палатки, повалуши -
Всё богаделанно.
На море на Байкале -
Цветенья благовонные и травы,
И птиц гораздо много: гуси да лебеди
По водам точно снег.
А рыбы в нем: и осетры, и таймени,
И омули, и нерпы, и зайцы великие.
И всё-то у Христа для человека наделано.
Его же дние в суете, как тень, проходят:
Он скачет, что козел,
Съесть хочет, яко змий,
Лукавствует, как бес,
И гневен, яко рысь.
Раздуется, что твой пузырь,
Ржет, как жребя, на красоту чужую,
Отлагает покаяние на старость,
А после исчезает.
Простите мне, никонианцы, что избранил вас,
Живите, как хотите.
Аз паче всех есмь грешен,
По весям еду, а в духе ликование,
А в русски грады приплыл -
Узнал о церкви - ничто не успеваает,
И, опечалясь, седше, рассуждаю:
«Что сотворю: поведаю ли слово Божие,
Аль скроюся?
Жена и дети меня связали...»

А протопопица, меня печальна видя,
Приступи ко мне с опрятством и рече ми:
«Что, господине, опечалился?»
А я ей:

«Что сотворю, жена?

Зима ведь на дворе.
Молчать мне аль учить?
Связали вы меня...»
Она же мне:

«Что ты, Петрович?

Аз тя с детьми благословляю:
Проповедай по-прежнему.
О нас же не тужи.
Силен Христос и не покинет нас.
Поди, поди, Петрович, обличай блудню их
Еретическую»...

10

Да, обличай блудню их еретическую...
А на Москву приехал -
Государь, бояра - все мне рады:
Как ангела приветствуют.
Государь меня к руке поставил:
«Здорово, протопоп, живешь?
Еще-де свидеться Бог повелел».
А я, супротив руку ему поцеловавши:
«Жив, говорю, Господь, жива душа моя.
А впредь, что Бог прикажет».
Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел,
Где надобе ему.
В подворье на Кремле велел меня поставить
Да проходя сам кланялся низенько:
«Благослови меня-де, и помолись о мне».
И шапку в иную пору - мурманку, - снимаючи,
Уронит с головы.
А все бояра - челом мне да челом.
Как мне царя того, бояр тех не жалеть?
Звали всё, чтоб в вере соединился с ними.
Да видят - не хочу, - так Государь велел
Уговорить меня, чтоб я молчал.
Так я его потешил -
Царь есть от Бога учинен и до меня добренек.
Пожаловал мне десять рублей,
Царица тоже,
А Федор Ртищев - дружище наше старое -
Тот шестьдесят рублей
Велел мне в шапку положить.
Всяк тащит да несет.
У Федосьи Прокофьевны Морозовой
И днюю и ночью -
Понеже дочь моя духовная.

Да к Ртищеву хожу
С отступниками спорить.

11

К Ртищеву ходил с отступниками спорить.
Вернулся раз домой зело печален,
Понеже много шумел в тот день.
А в доме у меня случилось неустройство:
Протопопица моя с вдовою домочадицей Фетиньей
Повздорила.
А я пришед обеих бил и оскорбил гораздо.
Тут бес вздивьял в Филиппе.
Филипп был бешеной - к стене прикован:
Жесток в нем бес сидел,
Да вовсе кроток стал молитвами моими,
А тут вдруг зачал цепь ломать -
На всех домашних ужас нападе.
Меня не слушает, да как ухватит -
И стал як паучину меня терзать,
А сам кричит:

«Попал мне в руки!»

Молитву говорю - не пользует молитва.
Так горько стало: бес надо мною волю взял.
Вижу - грешен: пусть бьет меня.
Маленько полежал и с совестью собрался.
Восстав, жену сыскал и земно кланялся:
«Прости меня, Настасья Марковна!»
Посем с Фетиньей такоже простился,
На землю лег и каждому велел
Меня бить плетью по спине
По окаянной.
А человек там было двадцать.
Жена и дети - все плачучи стегали.
А я ко всякому удару по молитве.
Когда же все отбили -
Бес, увидев ту неминуемую беду,
Вон из Филиппа вышел.
А в тонцем сне возвещено мне было:
«По стольком по страданьи угаснуть хочешь?
Блюдися от меня - не то растерзан будешь».
Сам вижу: церковное ничто не успеваает,
И паки заворчал,
Да написал Царю посланьице,
Чтоб он Святую Церковь от ереси оборонил.

12

Посланьице Царю, чтоб он Святую Церковь
От ереси оборонил:
«Царь-Государь, наш свет!
Твой богомолец в Даурех мученой

Бьет тебе челом.
Во многих живучи смертях,
Из многих заключений восставши, как из гроба,
Я чаял дома тишину найти,
А вижу церковь смущенну паче прежнего.
Угасли древние лампы,
Замутился Рим, и пал Царьград,
Лутари, Гусяти и Колвинцы
Тело Церкви честное раздирали,
В Галлии - земле вечерней,
В граде во Парисе,
В училище Соборном
Блазились прелестью, что зрит на круг небесный,
Достигши разумом небесной тверди
И звездные теченья разумея.
Только Русь, облистанная светом
Благости, цвела как вертоград,
Паче мудрости любя простыню.
Как на небе грозди светлых звезд
По лицу Руси сияли храмы,
Города стояли на мощах,
Да Москва пылала светом веры.
А нынче вижу: ересь на Москву пришла -
Нарядна - в царской багрянице ездит,
Из чаши потчует;
И царство Римское и Польское,
И многие другие реши упоила
Да и на Русь приехала.
Церковь - православна,
А догматы церковны - от Никона еретика.
Многие его боятся - Никона,
Да, на Бога уповая, - я не боюсь его,
Понеже мерзок он пред Богом - Никон.
Задумал адов пес:
«Арсен, печатай книги - как-нибудь,
Да только не по-старому».
Так су и сделал.
Ты ж простотой души своей
От внутреннего волка книги приял,
Их чая православными.
Никонианский дух - Антихристов есть дух!

Как до нас положено отцами -
Так лежи оно во век веков!
Горе нам! Едина точка
Смущает богословию,
Единой буквой ересь вводится.
Не токмо лишь святые книги изменили,
Но вещи и пословицы, обычаи и ризы:
Исуса бо глаголят Иисусом,
Никола Чудотворца - Николаем,
Спасов образ пишут:

Лице - одутловато,
Уста - червонные, волосы - кудрявы,
Брюхат и толст, как немчин учинен -
Только сабли при бедре не писано.
Еще злохитрый Дьявол
Из бездны вывел - мнихи:
Имеющие образ любодейный,
Подклейки женские и клобуки рогаты;
Расчешут волосы, чтоб бабы их любили,
По титькам препояшутся, что женка брюхатая
Ребенка в брюхе не извредить бы;
А в брюхе у него не меньше ребенка бабьего
Накладено еды той:
Мигдальных ягод, ренскова,
И романей, и водок, процеженных вином.

Не челобитьем тебе реку,
Не похвалой глаголю,
А истину несу:
Некому тебе ведь извещать,
Как строится твоя держава.
Вем, яко скорбно от доуки нашей,
Тебе, о Государь!
Да нам не сладко,
Когда ломают ребра, кнутъем мучат,
Да жгут огнем, да голодом томят.
Ведаю я разум твой:
Умеешь говорить ты языками многими.
Да что в том прибыли?
Ведь ты, Михайлович, русак - не грек.
Вздохни-ка ты по-старому - по-русски:
«Господи, помилуй мя грешного!»
А «Кирие-элейсон» ты оставь.
Возьми-ка ты никониан, латынников, жидов
Да пережги их - псов паршивых,
А нас природных - своих-то, распусти -
И будет хорошо.
Царь христианской, миленькой ты наш!»

13

Царь христианской миленькой-то наш
Стал на меня с тех пор кручиновати.
Не любо им, что начал говорить,
А любо, коль молчу.
Да мне так не сошлось.
А власти, что козлы, - все пырскать стали.
Был от Царя мне выговор:
«Поедь-де в ссылку снова».
Учали вновь возить
По тюрьмам да по монастырям.
А сами просят:

«Долго ль мучать нас тебе?

Соединись-ка с нами, Аввакумушка!»

А я их - зверей пестрообразных - обличаю,

Да вере истинной народ учу.

Опять в Москву свезли, -

В соборном храме стригли:

Обгрызли, что собаки, и бороду обрезали,

Да бросили в тюрьму.

Потом приволокли

На суд Вселенских Патриархов.

И наши тут же - сидят, что лисы.

Говорят: «Упряма ты:

Вся-де Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи,

И Римляне, и Ляхи, - все крестятся тремя персты».

А я им:

«Учители вселенсти!

Рим давно упал, и Ляхи с ним погибли.

У вас же православие пестро

С насилия турецкого.

Впредь сами к нам учиться приезжайте!»

Тут наши все завыли, что волчата, -

Бить бросились...

И Патриархи с ними:

Великое Антихристово войско!

А я им:

«Убивши человека,

Как литоргисать будете?»

Они и сели.

Я ж отошел к дверям да на бок повалился:

Вы посидите, а я, мол, полежу.

Они смеются:

Дурак-де протопоп - не почитает Патриархов.

А я их словами Апостола:

«Мы ведь - уроды Христа ради:

Вы славны, мы - бесчестны,

Вы сильны, мы же - немощны».

14

Вы - сильны, мы же - немощны.

Боярыню Морозову с сестрой -

Княгиней Урусовой - детей моих духовных

Разорили и в Боровске в темницу закопали.

Ту с мужем развели, у этой сына уморили.

Федосья Прокофьевна, боярыня, увы!

Твой сын плотской, а мой духовный,

Как злак посечен:

Уж некого тебе погладить по головке,

Ни четками в науку постегать,

Ни посмотреть, как на лошадке ездит.

Да ты не больно кручинься-то:

Христос добро изволил,

Мы сами-то не ведем, как доберемся,
А они на небе у Христа ликовствуют
С Федором - с удавленным моим.
Федор-то - юродивый покойник -
Пять лет в одной рубахе на морозе
И гол и бос ходил.
Как из Сибири ехал - ко мне пришел.
Псалтырь печатей новых был у него -
Не знал о новизнах.
А как сказал ему - в печь бросил книгу.
У Федора зело был подвиг крепок:
Весь день юродствует, а ночью на молитве.
В Москве, как вместе жили, -
Неможется, лежу, - а он стыдит:
«Долго ль лежать тебе? И как сорома нет?
Встань, миленькой!»
Вытащит, посадит, прикажет молитвы говорить,
А сам-то бьет поклоны за меня.
То-то был мне друг сердечный!
Хорош и Афанасьюшка - другой мой сын духовный,
Да в подвиге маленько покороче.
Отступники его на углях испекли:
Что сладок хлеб принесся Пречистой Троице!
Ивана - князя Хованского - избивали батогами
И, как Исаию, огнем сожгли.
Двоих родных сынов - Ивана и Прокофья -
Повесить приказали;
Они ж не догадались
Венцов победных ухватить,
Сплошали - повинились.
Так вместе с матерью их в землю закопали:
Вот вам - без смерти смерть.
У Лазаря священника отсекли руку,
А она-то отсечена и лежала на земле
Сама сложила пальцы двуперстием.
Чудно сие:
Бездушная одушевленных обличает.
У схимника - у старца Епифания
Язык отрезали.
Ему ж Пречистая в уста вложила новый:
Бог - старый чудотворец -
Допустит пострадать и паки исцелит.
И прочих наших на Москве пекли и жарили.
Чудно! Огнем, кнутом да виселицей
Веру желают утвердить.
Которые учили так - не знаю,
А мой Христос не так велел учить.
Выпросил у Бога светлую Россию сатана -
Да очервленил ю
Кровью мученической.
Добро ты, Дьявол, выдумал -
И нам то любо:

Ради Христа страданьем пострадати.

15

Ради Христа страданьем пострадати
Мне не судил еще Господь:
Царица стояла за меня - от казни отпросила.
Так, братию казня, меня ж не тронув,
Сослали в Пустозерье
И в срубе там под землю закопали:
Как есть мертвец -
Живой похороненной.
И было на Страстной со мною чудо:
Распространился мой язык
И был зело велик,
И зубы тоже,
Потом стал весь широк -
По всей земле под небесем пространен,
А после небо, землю и тварей всех
Господь в меня вместил.
Не диво ли: в темницу заключен,
А мне Господь и небо и землю покорил?
Есмь мал и наг,
А более вселенной.
Есмь кал и грязь,
А сам горю, как солнце.
Э, милые, да если б Богу угодно было
Душу у каждого разоблачить от пепела,
Так вся земля растаяла б,
Что воск, в единую минуту.
Задумали добро:
Двенадцать лет
Закопанным в земле меня держали;
Думали - погасну,
А я молитвами да бденьями свечу
На весь крещеный мир.
От света земного заперли,
Да свет небесный замкнуть не догадались.
Двенадцать лет не видел я ни солнца,
Ни неба синего, ни снега, ни деревьев, -
А вывели казнить -
Смотрю, дивлюсь:
Черно и пепельно, сине, красно и бело,
И красоты той
Ум человеческий вместить не может!
Построен сруб - соломою накладен:
Корабль мой огненный -
На родину мне ехать.
Как стал ногой -
Почуял: вот отчалою!
И ждать не стал -
Сам подпалил свечой.

библиотека на <http://www.christianart.ru/>

Святая Троица! Христос мой миленькой!
Обратно к Вам в Иерусалим небесный!
Родясь - погас,
Да снова разгорелся!

19 мая 1918, Коктебель